

Министерство образования
и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО “Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д.Ушинского”

А.Р. Валитов

**Россия и Запад:
парадигмы культурной полярности**

Краткое содержание лекций спецкурса

Учебное пособие

Ярославль 2009 г.

Рецензент: к.фил.н. Скородумов С.В.

Оглавление

От автора.....	3
Тема 1. Религиозно-этические и метафизические парадигмы культурной полярности России и Запада.....	4
Запад.....	4
Россия.....	8
Россия и Запад.....	12
Дело Петра 1.....	13
Интеллигенция.....	15
Интеллигенция и революция. “Вехи”.....	17
Масонство.....	19
Русофобия.....	19
Тема 2. Русские мыслители и Запада.....	23
1. Постановка проблемы в русской общественной и культурной мысли 18 века.....	23
2. Актуализация проблем взаимоотношений в первой трети 19 века. Карамзин, Пушкин, славянофилы.....	26
3. Панславизм. Почвенничество. Проблемы национальной самоидентификации в трудах русских ученых и писателей второй половины 19 века.....	32
4. Евразийство.....	35

От автора

Данное пособие представляет сокращенный вариант текстов лекций спецкурса “Россия и Запад”: парадигмы культурной полярности”. Спецкурс читается для студентов третьего курса дневного и пятого курса заочного отделения факультета иностранных языков.

Основная цель спецкурса- сформировать у студентов ряд представлений о сложном и многообразном процессе исторического развития, связанного с проблемами взаимоотношений России и Запада. Невозможно осмыслить события, не осознав их историческую генетику. История доказывает, что особенности культуры, национального самосознания и объективные интересы прочны и пробивают себе путь сквозь самые, казалось бы, радикальные социально-политические катаклизмы и перемены.

Краткое содержание лекций

Тема 1. Религиозно-этические и метафизические парадигмы культурной полярности России и Запада

Запад

Запад, понимаемый как западная Европа, не всегда был “центром мира”. Монголы, выйдя в долину Дуная, не пошли дальше, так как победоносное войско не привлек этот мыс Евразии, пустынный и бедный в 13 веке. Лишь в 15 веке возникает явление, ставшее осью мировой политики последних пятисот лет. Запад, вследствие своего броска вперед, обозначился как авангард мирового развития, вынуждая прочий мир направлять все свои силы на сокращение образовавшегося в середине 15 века разрыва. Выдающийся русский мыслитель и писатель К. Леонтьев, сам едва ли не противник Запада, дал ему такую характеристику: ”Здание европейской культуры гораздо обширней и богаче всех предыдущих цивилизаций. В жизни европейской было больше разнообразия, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чем в жизни других, прежде погибших исторических миров. Количество первоклассных архитектурных памятников, знаменитых людей, священников, монахов, воинов, правителей, художников, поэтов было больше, войны громаднее, философия глубже, богаче, религия бесприммерно пламеннее...; вообще самые принципы, которые легли в основание европейской государственности, были гораздо многосложнее древней” [1].

Как случилось, что именно этот небольшой регион возвысился над миром? По-видимому, феномен Запада стал возможен в результате стечения нескольких благоприятных обстоятельств. Первое из них- исчезновение демора-

лизующей угрозы, ставящей под вопрос сами цивилизационные основы. После битвы при Туре в 732 году, когда рыцари отразили арабское нашествие, опасность для Западной Европы быть порабощенной исчезла на тысячу с лишним лет.

Второе обстоятельство связано с историческим наследием античности. Разбита варварами Римская империя сохранила греческие и латинские тексты, переданные европейцам через посредства арабских ученых. Наследие греков и латинян находит благодарных читателей среди вагантов, обитавших в скромных башенках университетов Болоньи, Парижа, Саломанки.

Между 11 и 16 веками в маленьких университетских городах свершается чудо и это чудо называется Ренессанс. Без Ренессанса не возникла бы та особенная рациональность, которая стала отличать западного человека от других людей. “Ренессанс принес постижения уроков преодоления трагедий человеческого бытия, способствовал рациональному восприятию человеческой жизни как серии сложных испытаний, требующих для своего преодоления мобилизации воли, ума, предприимчивости, потребности веры в человеческие способности. Возрождение сделало человека лично ответственным за свою судьбу. Распад отношений личной зависимости повлек за собой невиданную ранее территориальную и даже социальную мобильность человека. Именно с Возрождения, в 15 веке, Запад по существу навязал свою модель всему остальному миру. В сознании европейцев укрепилась вера в универсальность своего устройства и своей системой ценностей” [2].

Третье обстоятельство сформировалось под влиянием Ренессанса. Новое рациональное восприятие мира вызвало пересмотр отношений с высшими силами. Случился переход от религиозного самоотречения к более “равному” отношению с Богом, навеянный античным”опытом” общения

с богами. Влияние Ренессанса сказывалось не в отходе от христианства, а в стремлении вступать с Богом в своего рода договор. Не полагаться на Бога, а своей энергией доказать преданность его замыслу.

Четвертое обстоятельство, произведшее новый тип человеческого сознания, изобретение Гутенбергом печатного станка. Книга стала главным орудием Запада. Нигде в мире человеческая мысль не получила столь твердого основания для осмысления мира каждым человеком.

Относительно мирное развитие, отсутствие завоеваний, усвоение античного наследия, изменение отношения к Богу, развития науки и промышленности обуславливают уникальность Запада. Великий немецкий поэт И.В. Гёте в своей трагедии “Фауст” упростил сюжет: Фауст просит у темных сил земного всемогущества, он готов сдержат ответ потом. Стремление к земному всемогуществу стало основой всепобеждающего типа мышления западного человека. Фаустовский тип мышления преобразил крестьянскую расу западноевропейцев в путешественников, завоевателей конкистадоров. Главная черта Фауста- безграничная вера в свои силы на этой земле. Главное, что отличало Запад от остального мира- мистическая вера в свою судьбу, практичность, отношение к миру как к арене действий в противоположность завоевателям всех времен и народов, западноевропейцы ведомые “фаустовским комплексом”, не удовлетворялись простым контролем над завоёванным пространством, но добивались контроля над полученным социумом, переделывая его на свой манер. Самым определенным образом Запад бросил вызов всему остальному человечеству, многим могучим империям, чьей слабостью было не отсутствие пушек, а отсутствие индивидуальной воли каждого. Со временем этот вызов обретал формы нового мессианства, суть которого сформулировал один из последних великих поэтов Запада Редьярд Киплинг:

“Несите Бремя Белых,
Пожните все плоды:
Брань тех, кому взрастили
Вы пышные сады,
И злобу тех, которых
(Так медленно, увь!)
С таким старанием к свету
Из тьмы тащили вы...”

Этим “бременем” не хотел бы поступиться Запад и по отношению к огромной территории на востоке Европы. Если бы не множество разного рода “но”.

В 1553 году в устье Северной Двины зашел корабль. Это была английская экспедиция, искавшая альтернативу транспортных путей на восток, в Индию. Проведя некоторое время среди местного населения, потомков новгородских ушкуйников, старший кормчий плавания Ричард Ченслер внёс в свой отчет о плавании следующее умозрение, основанное, конечно же, не на пустом месте: “Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них. Но я думаю, что не такова Божья воля: я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, не смотря на свою великую силу, а ведь если этот конь признавал её, то с ним не справился бы ни ребенок, ни взрослый человек” [3].

Ченслер открыл Россию для Британии ровно так же, как Колумб Америку для испанцев. Тогда открытие России по сути не состоялось. Англичане открыли дверь, посмотрели, ужаснулись и постарались её быстро закрыть. А ужаснулись они именно тому, о чем говорил Ченслер. То есть, совсем грубо говоря, Россия в отличии от Америки оказалась непригодной для колонизации. В этом смысле Россия была закрыта все эти пятьсот с лишним лет. “Окно

возможностей ” два раза приоткрывалась- во время Смуты в начале 17 и в начале 20 века, но быстро закрывалось.

Россия

Замечательно просто определил отличия Восточной Европы от Запада классик отечественной историографии С.М. Соловьев. Он предложил посмотреть на оба региона с высоты птичьего полета. Первое же различие: Западная Европа- каменная, восточная- деревянная. Этот камень разделил Западную Европу на многие государства, разграничил между собой народности, ”в камне свили гнёзда западные мужи.., камень давал им независимость... Благодаря камню поднимались рукотворные горы, громадные вековечные здания... На великой восточной равнине нет камня, нет разнообразия народностей, и потому небывалое по величине государство. Нет прочных жилищ, с которыми было тяжело расставаться..; города состоят из кучи деревянных изб..; отсюда с такой легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село: уходил от татарина, от Литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подьячего... Отсюда привычка к расходке в народонаселении и отсюда стремление правительства ловить, усаживать, прикреплять” [4].

В том, как христианство было привнесено на Русь, также заключается один из источников разобщения. Библия была переведена на славянский язык (древнеболгарский), в то время как христиане на Западе внимали непонятной латыни. С одной стороны, евангельские истины быстрее доходили на родном языке. В немалой степени именно этим объясняется быстрота распространения христианства. С другой стороны, отсутствие необходимости для просвещенных людей знать греческий язык отрезало их от эллинского мира. Доступная славянская Библия и сослужила им службу, и невольно закрыла источник, обогатив-

ший Запад. Русский мыслитель Георгий Федотов писал: ”И мы могли бы читать Гомера, философствовать с Платоном, вернуться вместе с греческой христианской мыслью к самим истокам эллинского духа и получить, как дар научную традицию древности. Провидение судило иначе. Мы получили в дар одну книгу, величайшую из книг... Но зато, эта книга должна остаться единственной. В грязном и бедном Париже в 12 веке гремели битвы схоластиков, рождался университет – в “золотом” Киеве, сиявшем мозаиками своих храмов, – ничего, кроме подвига печерских иноков, славивших летописи и патерики... Отрекшись от классической традиции, мы не могли выработать своей, и на исходе веков- в крайней нужде и по старой лености- должны были хватать, красть... где и что попало, обкрадывать эту нищую Европу, отрекаясь от всего заветного, в отчаянии перед собственной бедностью” [5].

Духовное лицо и геополитические позиции России складывались под воздействием трех идейно-культурных потоков, идущих с юга, востока и запада.

В.Г. Белинский утверждал, что от Запада Русь” была отрезана в самом начале, а Византия в отношении к цивилизации, могла подарить только обыкновение чернить зубы, белить лица и выкалывать глаза врагам и преступникам.” [6].

Критик разделял бытовавшее в окружающей его среде западников отрицательное отношение к средневековью. Но уже через несколько десятилетий К. Леонтьев напомнил русскому читателю, “что именно Византия дала человечеству совершеннейший в мире религиозный закон- христианство; она дала ему единство и силу”. [7] Крупнейший современный исследователь христианской культуры С.С. Аверенцев считал, что Русь заимствовала у Византии не только религию, но и универсальную культуру. “Только с принятием христианства русская культура через контакт с

Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальное измерение..., свое место в ряду, выходящем далеко за пределы житейской эмпирики; она стала культурой в полном значении этого слова” [8].

С юга восточные славяне получили благодать и духовные наследия уходящей с исторической сцены Византии. Воздействие Византии на Русь трудно переоценить. Но оно сказалось не в переносе гигантского наследия цивилизации на молодое государство. Она дала Руси нечто большее. Византия дала северному соседу возможность создать собственно Русь. На огромной территории жили племена самых разных этнических характеристик- славяне, угро-финны, тюрки, германский элемент. Проникая с юга на север, христианские первосвященники византийской веры соединяли это всё в единое целое. К. Леонтьев писал : ”Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спасителя осеял на великокняжеском знамени верующие войска Дмитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь! Византизм дал нам всю силу нашим в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и Турцией. Под его знаменами, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы ” [9].

Раскол между католической церквями в 1054 году знаменовал размежевание западной и восточноевропейской цивилизации. Если определить увеличивающиеся с 988 года до 1700 (до Петра I) отличия Руси от Запада, то следует охарактеризовать Киевскую и Московскую Русь как ученика и наследника Греко-византийской цивилизации, все более удаляющегося от латинизма своих западных соседей.

Вторая, восточная волна билась в ворота Руси на всех этапах ее становления- хазары, печенеги, половцы. Г.Федотов писал о татаро-монгольской иге: “Два или три века мяли суровые руки славянское тесто, били, ломали, обламывали непокорную стихию и выковывали форму необычайно стойкую”[10]. Степь дала восточнославянскому этносу неведомый Западу фатализм, стоицизм, широту души. От монголов русские приняли религиозность, бесконечное терпение, стоическое восприятия жизни. Толерантность монголов в отношении православной церкви способствовала усилению религиозного элемента русской жизни. Москва стала прямой наследницей Золотой Орды, когда русские двинулись по пути монголов и дошли до их прародины. Справедливо было отмечено, что “ни одно иго не может быть трехсот летним”. На протяжении трех столетий осуществлялся огромный и сложный этнокультурный и геополитический синтез, приведший к созданию на просторах Евразии могущественной России.

Влиятельные в первой половине 20 века евразийцы полагали, что именно монгольское нашествие спасло Русь от превращения в колонию Запада. Известный философ-евразиец Н.С.Трубецкой считал, что князь Александр Невский совершенно правильно предпочел Восток Западу: “Александр увидел в монголах дружественную силу в культурном смысле, силу, которая помогала ему сохранить и консолидировать русскую культуру, сохранить ее идентичность от латинского Запада”[11]. Монголы, видимо, оказали влияние и на формирование специфики государства. Имело существенное значение и то, что монголы разрушали крупные города Руси. Восточные славяне в силу этого стали формировать нацию в очень отличных от европейских (базирующихся на городах) условиях. Все это отдаляло Россию от Западной Европы.

Россия и Запад

В истории отношения России и Запада на протяжении тысячелетнего существования русского государства отчетливо проявили себя две противоположные тенденции. В первых, тенденция открытости в направлении Запада; во вторых, вынужденное или сознательное отстранение. Первая тенденция преобладала на протяжении двух исторических периодов: во время Киевской Руси и при правлении династии Романовых. Вторая тенденция было первоначально вызвана монгольской неволей, продолжалась в эпоху собирания русских земель, Московского царства, Смутного времени, а затем в семидесятилетний период советской истории.

Насколько безопасен был путь в сторону Запада, свидетельствует история Западной Руси.

В русской историографии, как дореволюционной, так и советской, с большой неохотой говорилось о существовании еще одного русского государства- Литовской Руси. А именно это государственное образование, сложившиеся к 14 веку, долгое время сохраняло шанс превратиться в ядро этнической общности. Славяне составляли в нем порядка двух третей общего населения. Государственным языком в Литве был русский, часть литовских князей исповедовало православие, более того, большая часть аристократии и дворянства были русским и по происхождению. Был шанс, что литовско-русское княжество могло послужить созданию Руси, гораздо более приближенной к западным правам и обычаям. Но вместо рассвета происходит постепенная потеря русской культурой своих позиций в Литовской Руси, резкое ослабление языкового пространства, приведшая к тому, что к концу 17 века русский язык был изгнан из официальных актов. Литовско-русская государственность неуклонно переходила в польско-литовскую, а затем в польскую государственность. Если Московская

Русь, страдая под Ордой, смогла подготовить культурный рассвет 15-16 веков, то Литовская Русь вскоре исчезла.

Россия 1480-1690 годов была в силу исторических обстоятельств изолирована от Запада и отставала от него. Но она выработала свой психологический культурный код. Россия сумела на своих огромных пространствах создать яркую, оригинальную, устойчивую цивилизацию. Но опыт был при этом усеченным, оторванным от мирового уровня, а значит уязвимым.

К концу 17 века представления о том, что Россия отстает от Запада распространилось довольно широко. Более того, к концу века Россия постепенно входит в сферу геополитических интересов Запада. В 1670 году один из выдающихся умов Запада Г.Лейбниц предсказал, что будущее России заключается в превращении ее в колонию Швеции [12]. Многие на Западе разделяли этот прогноз. Русская элита несомненно ощущала нарастающий вызов. Действительно, если разномастное войско Лжедмитрия заняло Москву в начале 17 века, то в конце его вряд ли Россия могла устоять, скажем, перед армиями блестящих маршалов Людовика Четырнадцатого или войсками герцога Мальборо.

Дело Петра 1

Петр 1 имел мужество признать превосходство Запада и, одновременно, бросил ему вызов. Он вывел Россию на арену европейской истории.

Спор о личности Петра не стихает в России. Его роль в диалоге Россия-Запад несомненно. Но соответствие навязываемого им России идеала вызывает большие разночтения. И западники, и славянофилы признавали величие Петра, но первые делали акцент на том, что он обеспечил будущее России, вторые на том, что он искорежил прошлое, нарушив основу здоровой эволюции. Основную проблему определил еще в 18 веке историк князь М.М.Щербатов:

“Петр вывел Россию на уровень, который при менее эффективном руководстве она достигла бы лишь через одно или два столетия. Но при этом была заплачена большая цена - нравы русского народа были изменены не в лучшую сторону” [13]. Герцен назвал Петра 1 первым русским немцем. Писатели Б.К.Зайцев и А.И.Солженицын пошли еще дальше, назвав его первым большевиком.

Н.М.Карамзин сделал упрек Петру в том, что Россия обратилась к западному материализму, религия стала казенной, государственной, церковь оказалась подчиненной государству, что разрыв между правителями и управляемыми лишь увеличился, что Россия потеряла своеобразие. Крупнейший славянофил К.Аксаков, признавая Петра “величайшим из великих людей”, полагал, что “несмотря на свой внешний блеск”, дело Петра служит доказательством того, что огромное духовное зло может быть причинено величайшим гением, если он действовал в одиночку, и отошел от традиций своего народа. Разрыв верхнепрозападного слоя и нижнего, не имеющего никакого понятия о Западе, по мнению славянофилов, привел к взаимотчуждению двух частей одного народа.

Сейчас ясно, что Петр провел реформы, которые не проросли в толще русского общества и потому не сделали Россию западной страной. Но его реформы создали щит, который позволил России сохранить независимость и самобытность, помогая ей искать вхождения в русло европейской культуры. А.Герцен говорил, что на реформе Петра 1 русский народ ответил появлением А.С.Пушкина - личности универсальной и, по словам Достоевского, обладающей всечеловеческой гениальностью. Н.А.Бердяев показал, что следствием реформирования стало появления золотого века русской литературы: “...необычный, взрывной динамизм русского народа обнаружился в его культур-

ном слое лишь от соприкосновения с Западом и после реформы Петра 1”[14].

Но появления образованного слоя ознаменовало отрыв высших слоев общества от народа. Это обусловило появление двух психологических парадигм в русском народе, что в дальнейшем определило появление основных изломов русской истории и, прежде всего, самых трагических. Ж.Ж. Руссо сказал в свое время, что “лучше бы Петр оставил Россию русской”. Так ли это? Как и все настоящие вопросы, он продолжает сохранять свое значение. Россия показала блестящую способность развивать военную систему государства, она показала образец гениальной оригинальности в литературе, меньше преуспела в административном искусстве и совсем зашла в тупик, стараясь привить западную “фаустовскую” психологическую модель на всем российском пространстве.

Интеллигенция

Раскол прошел не только между народом, его образованной частью, но и внутри самой образованной части русского общества. Н.С. Трубецкой писал “Со времен Петра Великого в сознании всякого русского интеллигента(в самом широком смысле слова, понимая под интеллигентом всякого “образованного”) живут две идеи:”Россия как великая европейская держава”и “европейская цивилизация”. ”Направление” человека в значительной мере определялась отношением к этим двум идеям. Было два резко противоположных типа. Для одних дороже всего была Россия как великая европейская держава; они говорили: какой бы то ни было ценой, хотя бы полного порабощения народа и общества, полного отказа от просветительных и гуманистических традиций европейской цивилизации, - подавайте нам Россию, как могущественную великую европейскую державу. Для других дороже всего были ”прогрессивные”

идеи европейской цивилизации; они говорили: какой угодно ценой, хотя бы ценой отказа от русской великой державности, подайте нам осуществление у нас в России идеалов европейской цивилизации (т.е. по мнению одних — демократию, по мнению других — социализм и т.д.) и сделайте Россию прогрессивным европейским государством” [15].

Когда речь заходит об органических различиях между Россией и Западом, особое место должно быть отведено роли русского дворянства и эпохе царствования императрицы Екатерины Великой. Первое, Екатерина выделила в русском обществе личность. При ней дворянство получило невиданные прежде льготы. Возникла ситуация, когда в России возникает внутренний Запад. Дворянство создает “мир в себе”, в котором личность, а не традиционное русское коллективистское начало, получает возможности для расцвета. Не заставили ждать результат, более известный в литературе: Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Тютчев и даже славянофилы.

Второе, в 18 веке дворянство на Западе теряет позиции, а в России приходит к всевластию. Екатерина санкционирует Указ о вольности дворянства, который имеет далеко идущие последствия. Произошел роковой отрыв наиболее прозападного слоя от государственного дела. Дослужившись до первого офицерского чина, помещик уходил в отставку, посвящал себя охоте, общению, не редко литературному труду. Но редко кто видел, чтобы уволившийся прозападный офицер начал создавать из своего имения западную ферму. Свидетельством тому последовавшее в следующих поколениях разорение “дворянских гнезд”. Обломовы — не типажи народной жизни, а это типичный образ прозападного по воспитанию дворянству. Тяга к высокому дала великую дворянскую культуру. Она

же дала и ряд яростных исправителей человечества: Герцена, Бакунина, Кропоткина и, наконец, Ленина.

Именно при Екатерине возникает слой интеллигенции, которая берет на себя функцию связи России с Западом. С самого начала этот слой не вписывается в государственную структуру страны, но предан идее соединения своей страны с Западом. Эта тенденция станет важнейшей чертой развития России.

Отчуждение значительной части интеллигенции станет причиной постоянной революционизации общества.

Интеллигенция и революция. “Вехи”

Первые русские интеллигенты, такие как Радищев, Новиков, были, прежде всего, революционерами, то есть сторонниками ускорения процесса конвергенции России с Западом. 1905 году разразилась первая Русская революция — плод полуторавековых стремлений русской интеллигенции. Эта революция не дала и толики того, что от нее ожидала интеллигенция. Напротив, русское общество по её окончанию погрузилось в оцепенение, апатию, духовный разброд. В 1909 году лучшая часть интеллигенции прошла эпоху осмысления случившегося. Плодом этого стал сборник статей “Вехи”, коллективный труд крупнейших русских мыслителей того времени: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, П.Б. Струве, С.Л. Франка и другие. Коллектив “Вех” жестко оценил опыт русской интеллигенции, попытавшейся возглавить революцию. Горечь слышно в словах М.О. Гершензона, известного философа и историка литературы: “Мы не люди, а калеки, все. Сколько нас есть, русских интеллигентов, нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас ” [16]. Сонмище больных, изолированное в родной стране, — вот как определили в революции “веховцы”.

Русская интеллигенция, будучи безрелигиозной, пишет П. Струве, ”в то же время была мечтательна, неделовита, легкомысленна в политике. Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговенья, – словом, тут была и есть налицо вся форма религиозности без ее содержания... русская интеллигенция идейно отрицала или отрицает личный подвиг и личную ответственность, и это противоречит всей фактической истории служения интеллигенции народу, фактам героизма, подвижничества и самоотвержения, которыми отмечено это служение” [17].

Франк и Бердяев выступили с тезисом, что атеизм и материализм интеллигенции привели к тому, что абсолютные истины и моральные ценности были пожертвованы в пользу “блага народа”. Исходя из этого принципа революционеры разделили русское общество на эксплуататором и жертв. Из великой любви к человечеству родилась непримиримая ненависть к конкретному человеку, месть не к худшей части русского народа, А.Изгоев высмеял “детскую левизну студентов”, обвинявших правительство во всех грехах, не имея при этом представления о действительно эффективных законах.

М. Гершензон определил задачу интеллигенции, стоящей на краю падения своей цивилизации: ”Между нами и нашим народом- иная рознь. Мы для него - не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него не просто чужие, как турок или француз; каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом,- бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одно своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной”.

Через восемь лет ненавистная власть падет. Стопятидесятилетний период существования русской интеллигенции трагически завершится.

Масонство

Отдельной строкой взаимодействия Запада и России стало масонство, своеобразная светская религия. Первым масоном, прибывшим с Запада в 1728 году, был шотландец Джеймс Кейт, который возглавил первую русскую ложу. Большим поклонником масонов был император Петр Третий. Масонство способствовало вестернизации самого богатого- верхнего слоя русского общества. Между 1728-м и 1917-м годами оно с разной интенсивностью служило сближению западной и русской аристократии, космополитизации русской элиты. В то же время “коллективные поиски истины” масонов как бы подчеркивали наличие двух народов, думающих и чувствующих по-разному: русской прозападной аристократии и далекого от Запада простого люда. Масонство укрепляло солидарность верхов и уводило от основной массы народа.

Русофобия

Утверждение России на политической карте Европы породило устойчивое явление, бытующие среди интеллектуальной и политической элиты Запада, получившие название русофобия (сам термин известен с середины 19 века).

“Отцом” профессиональной русофобии был английский офицер сэр Роберт Вильямс. Он был официальным наблюдателем при русской армии в 1812 году. Участвовал в боях, отличился и получил русский титул. Однако это не помешало ему стать основателем западной русофобии. Сразу по возвращении в Британию после войны он занялся антирусской компанией, обвиняя русских в варварстве, уничтожении пленных, каннибализме. В 1817 году Вильсон выпустил памфлет “Описание военной и политической мощи России”. Именно там впервые в публичном обороте появляется пресловутая “Завещание Петра Первого”, где

наглядно показывались экспансионистские замыслы русских по отношению к Европе. Якобы “Завещание Петра Первого” заканчивается такими словами: “так можно и должно покорить Европу”.

Со временем выяснилось, что текст был французского происхождения, активно внедрялся через английские средства массовой информации. Но надо сказать, сразу же обнаружил хорошо подготовленную почву в недрах европейского общественного сознания: “Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха: оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом пользоваться миром для войны и войною для мира в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России”[18].

Спустя более чем через сто пятьдесят лет со времени публикации “Завещания...” один из адептов практического антисоветизма (а как выяснилось позднее- и русофобии) бывший премьер-министр Великобритании Маргарэт Тетчер назовет СССР “Верхней Вольтой с ракетами”. О “ракетах” здесь все более- менее понятно, что касается “верхней вольты”, то для того, чтобы уяснить некогда сказанное крупным политиком, стоит обратиться к современной британской прессе в части ее высказываний о России и русских: “Недавно был проведен интересный анализ отношения к “русскому миру” по материалам британской прессы... Анализ материала (свыше пятисот статей) позволил выявить основные стереотипы, сложившиеся в британской прессе при обращении к русской тематике., в процессе анализа выяснилась, что одним из наиболее распространенных стереотипов, явно или подспудно присутствующих в подавляющем большинстве статей, где описывается или упоминается Россия, оказалось варварство русских. Бри-

танцы смотрят на Россию как на варварскую стану. “The Observer ” приводит данные опроса специальной службы- National Brands Index- среди представителей разных народов мира с целью выявить индекс популярности тех или иных наций. Согласно ему Россия- предпоследняя в списке, она оценена как “склонная к насилию, нестабильная, продающая мало стоящего, за исключением оружия и нефти”...Ведущая характеристика россиян в массовом сознании мирового сообщества- это насилие, склонность к насилию.

По частоте употребления в контексте со словом Россия и русские “брутальность” России- еще один синоним варварства- является устойчивым эпитетом...

Таким образом, представление о варварстве русских можно считать не только сложившимся, но и действительно разработанным. Сюда входят и приписываемая русским нечувствительность ко многому такому, к чему очень чувствителен цивилизованный человек, например, к физическому насилию или ограничению свободы, в т.ч. свободы слова, к физическому комфорту и дискомфорту, физической чистоте и грязи...

Понятно, что, раз такой образ русских формируется- это кому-то надо. Впрочем, вполне прозрачно, кому и для чего...

Русофобия уже превращается в работу, и как каждая работа она может делаться просто по заказу. От нее действительно глупо прятаться- и феномен русофобии необходимо учитывать как во внутренней, так и во внешней политике”[19].

Литература

1. Леонтьев К. Избранное [Текст].- М.,1993.-С.103.
2. Красильщиков В.А. Превращение доктора Фауста [Текст].- М.,1994.-С.80.

3. Цитируется по: Михаил Леонтьев. Большая игра [Текст].-М.:АСТ; СПб.: Астрель-СПб,2008-С.146.ю
4. Соловьев С.М. Сочинения История России с древнейших времен [Текст].Кн.7.Т.13.-М.,1991.-С.409.
5. Федотов Г.П. Судьба и грехи России [Текст].-Т.1.СПб.,1991.-С.74-75.
6. Белинский В.Г. Избранные философские произведения [Текст].-М.,1988.-С.345.
7. Леонтьев К. Записки отшельника[Текст].-М.,1992.-С.34.
8. Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры [Текст].//Страницы зарубежной печати. Москва-Мюнхен,1988.-С.447.
9. Леонтьев К. Избранное [Текст].-М.,1993.-С.20.
10. Федотов Г.П. Судьба и грехи России [Текст].-Т.2.-С.177.
11. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре [Текст].//Наш современник.1992,№3.-С.101.
12. Молчанов. Дипломатия Петра Первого[Текст].-М.,1986.-С.428.
13. Бердяев Н.А. Русская идея [Текст].-М.,1990.С.46
14. Трубецкой Н.С. Мы и другие[Текст].// Россия между Европой и Азией. Европейский соблазн.-М.,1993.- С.78.
15. Гершензон М.О. Творческое самосознание[Текст].//Вехи: сборник статей о русской интеллигенции,-М.,1990.-С.76.
16. Струве П.Б. Интеллигенция и революция [Текст].// Вехи...-С.160.
17. Гершензон М.О. Там же. С-82.
18. Цитируется по: Михаил Леонтьев. Большая игра [Текст].-С.10.
19. Андрей Борцов. Ужасы по заказу [Текст].// “Литературная газета”, 2008, №51.

Тема 2. Русские мыслители и Запада

1. Постановка проблемы в русской общественной и культурной мысли 18 века

Историческое развитие России после реформ Петра Первого шло под знаком ориентации на освоение жизненного опыта опередившей нас в своем развитии Западной Европы. В области бытовой культуры процесс европеизации имел следствием духовный раскол нации. Но западничество проявилось не только в сфере бытовой культуры, но, по-существу, определяло во многом весь тонус интеллектуальной жизни 18 столетия, создавая положения вечного ученичества и подражательности, когда становилось модным доказывать невозможное существование русской науки или самобытных форм русского искусства. Этому способствовали и отдельные сочинения ряда западных ученых и публицистов, имевших целью доказать наличие иноземного начала в создании русской государственности, и утверждались мысли об исконной обреченности России на отсталость и невежество. Но постепенно начинает развиваться процесс самоутверждения русского менталитета, обогащенного восприятием интеллектуального опыта Западной Европы. На первых порах этот процесс оказывался ознаменованным противоборством с концепциями европейских ученых и публицистов, по разным причинам отказывавшим России в обретении ею статуса европейской державы.

Начало ему было положено полемическими выступлениями М.В. Ломоносова против диссертации Г.-Ф.Миллера “О происхождении имени и народа российского” (1749). В основу сочинения немецкого историка легла гипотеза о норманнском происхождении русской государственности, выдвинутая Г.-З.Байером в его диссертации

“О варягах”(1735). Оба немецких историка работали в Санкт-Петербургской академии наук.

Проблема варяжского участия вписывалась в традиционную практику объяснения истоков государственности многих народов Европы, и данный вопрос многократно являлся предметом внимания европейских ученых. Но в обстановке роста национального самосознания трактовка, предложенная Байером и Миллером, не могла не вызвать резко отрицательной реакции со стороны русских ученых. И здесь следует принимать в расчет особую остроту ситуации. Норманнская теория возникла далеко не случайно во второй четверти 18 века. По мнению ряда ученых, это был своеобразный реванш за Полтаву, за выход России к Балтийскому морю.

В своих замечаниях на диссертацию Миллера Ломоносов указывает на многочисленные ошибки в определении этимологии древних русских городов, имен: “...следуя своей фантазии Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволительным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Вальтмар и Вальмар; из Ольги- Аллогия; из Всеволода- Визавалдур и пр. Сие не токмо принять за правду, но и читать без досады невозможно...Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские, однако из того не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует из того, чтобы они были греки или евреи пщыдинавыыли скандинавцы.имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские, однако из того не следует,” [1].

В ряду полемических выступления Ломоносова следует назвать и его отзыв на подготовленную в 1764 году А.-Л.Шлецером “Русскую грамматику” на немецком языке

и приложенный к ней этимологический словарь, в котором Ломоносов усмотрел “не токмо незнания, но и сумасбродство в произведении слов российских. Кроме много, что развратно и здравому рассудку противно, внесены еще ругательные чести и святости рассуждения... Боярин производится 1) от дурака, 2) от барана. Дева, который слово употребляется у нас почти единственно в наименовании Пресвятой Богоматери, производит Шлецер от немецкого слова Dieb (вор), от голландского Teef (б...), от нижнесаксонского Tiffe (сука)” [2].

В 1768 году в Париже вышло сочинение члена Королевской Академии наук аббата Шаппа де Отероша “Путешествия в Сибирь...” Посетившие несколькими годами ранее Россию ученый аббат изложил свои впечатления о стране в данном труде. Книга содержала немало сведений о жизни и быте русских, о культуре и экономике страны, о системе ее политического правления. В то же время книга была наполнена оскорбительными для русских людей выпадами, мнения автора были выдержаны в пренебрежительном тоне.

Книга не прошла в России незаметной. В 1770 году в Петербурге печатается анонимное сочинения на французском языке “Антидот” (“Противоядие, или Проверка дурной книги...”). К написанию этой книги, как считается, имело прямое отношение Екатерина Вторая. А авторство напрямую приписывается одному из самых блестящих русских умов 18 века И.Н. Болтину. И опять в обстановке начавшейся русско-турецкой войны, в которой Франция выступила тайным союзником Турции, книга была призвана настроить определенным образом общественное мнение. Полемический пафос “Антидота” находит среди этого свое объяснения: “Нет народа, о котором было бы столько лжи, нелепости и клеветы как народ Русский...; немецкие писатели, исполненные предубеждений в пользу своей страны,

искали в русских немцев: не находя их, сердились; все было дурно, русским было непростительно быть русскими дома... Легко судить, что французские писатели не отстают от них в этом отношении...; Россия заградила путь властолюбивую французов” [3].

Возникшее в результате противостояния у лучших русских умов чувство национального самосознания очень скоро обрело стимул для своего дальнейшего развития, которого было уже не остановить.

Литература

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений [Текст].-М.-Л.,1952.Т.6.-С.30-31.
2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений [Текст].-М.-Л.,1952.Т.9.-С.426.
3. Цитируется по: Стенник Ю.В. Об истоках словянофильства в русской литературе 18 века [Текст].// Славянофильство и современность: сборник статей.- Санкт-Петербург: Наука, 1994.- С.16.

2. Актуализация проблем взаимоотношений в первой трети 19 века. Карамзин, Пушкин, славянофилы.

В ряду писателей начало 19 века, осознавших необходимость руководствоваться в вопросах культуры собственными традициями, следует поставить Н.М. Карамзина. Следует отметить, что в ранний период своей деятельности будущий великий историограф исповедовал совсем иные взгляды. С юности он находился под сильным влиянием Монтескье и Вольтера, а потом- сентименталистов: Руссо, Стерна, Юнга. Просветительские идеи и сентименталистская этика для русского интеллектуала конца 18 века служили проторенной дорогой в масонскую ложу. Известно, какую роль сыграло это учение в формировании мировоззрения лидера русских сентименталистов, прошедшего

школу общения с такими видными русскими масонами, как Н.И. Новиков и А.М. Кутузов.

Его сентименталистскую прозу не принимали в своих литературных концепциях славянофилы, считая её исключительно подражательной (К. Аксаков). В известном споре между Карамзиным и А.С. Шишковым по вопросам языка будущей истории, в отличие от консерватора Шишкова, высказывал по-настоящему радикальное мнение, настаивая на включение в “новый слог” большого количества галлицизмов, создание по французскому образцу оборотов речи, деление слов на “благородные” и “низкие”. Правда, позднее Карамзин сам откажется от много из того, что составляло основу его филологических изысканий. Даже Пушкин, высоко чтивший Карамзина, позже отметит эту “манерность, робость и бледность” стиля, определив её “вредными последствиями” подражательности и боязни обогащать русский язык за счет народных источников.

По-видимому, есть своя закономерность в том, что именно отход Н.М. Карамзина от масонства в зрелый период его творчества и обращение к углубленному изучению русской истории привели его в конечном итоге на позиции, вписывающиеся в контекст формирования предславянофильских умонастроений.

В последний, наиболее зрелый период творчества, Н.М. Карамзин все больше осознает необходимость руководствоваться в вопросах культуры собственными традициями. Начав издавать в 1802 году журнал “Вестник Европы”, он в одном из первых номеров помещает статью “О любви к отечеству и народной гордости”, в заключении которой он писал: “Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, что-

бы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше, но русский должен, по крайней мере, знать цену свою” [1]. Так начинался путь к свершению подвига всей жизни Карамзина- созданию “Истории государства Российского”. И.С.Аксаков так оценил роль Карамзина: “В 1826 году выходит последний том “Истории государства Российского” Карамзина. Его монументальный, хотя и не оконченный труд пролагает путь к ближайшему знакомству с историческим ростом России, к внимательному исследованию её прошлых судеб. Обнародование актов, грамот, летописей, и других памятников древней русской письменности создают новую эпоху в изучении русской истории и самым могущественным образом движут вперед наше историческое сознание” [2].

Роль и значение А.С.Пушкина в нашей истории, культуре, литературе блестяще раскрыл Ф.М. Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи, произнесенной во время торжеств по случаю открытия памятника великому поэту в Москве в начале июня 1880 года. Он начал свою речь такими словами: “Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть единственное явление русского духа,”- сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческая. Да, в появлении его заключается для нас всех, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освящению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом- то смысле Пушкин есть пророчество и указание” [3].

Свою речь писатель завершил своего рода вздохом сожаления, суть которого была, наверное, понятна и ощущима в каждом из последовавших за этим десятилетием трагического бытия русской истории: “Жил бы Пушкин

долее, так между нами было бы, может быть, менее недо-
разумений и споров, чем видим теперь...Пушкин умер в
полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой неко-
торую великую тайну” [4].

В последние годы жизни Пушкин готовился к работе
над крупными историческими и историософскими произ-
ведениями, стремясь стать политическим писателем. Но
осуществить задуманное не удалось. Но о “тайне” Пуш-
кина можно хотя бы догадываться по историософским тези-
сам, которые представляет его знаменитое неотправленное
письмо к Чаадаеву от 19 октября 1836 года.

П.Я.Чаадаев- одна из самых противоречивых фигур в
истории русской общественной мысли. Одни склонны ви-
деть в его философском наследии идеологию крайнего за-
падничества, другие, напротив, считают Чаадаева крити-
ком западной цивилизации. Тем не менее, в опубликован-
ном в 1836 году знаменитом “Философическом письме”
содержалась жесткая критика прошлого и настоящего Рос-
сии. Суть историософских взглядов Чаадаева заключалась
в следующем: Европа благоустроена, упорядочена в мате-
риальном и бытовом отношении. В реестр европейских
ценностей входит привязанность к семейному очагу, идеа-
лы долга, свободы, терпимости к другим культурным со-
обществам. Россия лишена всех этих ценностей, в русской
жизни господствует произвол. В России все рабы, подчи-
няются культу грубой силы, лишены чувства собственного
достоинства. В “Философическом письме” прежде всего
поражал пафос страстного отрицания былого и настояще-
го, нарочиты противопоставления католической церкви –
православной. Причину того, что русский народ- “народ
без истории”, “народ без идей”, Чаадаев видел в изоляции
от католического единства в том, что Россия приняла пра-
вославие от “жалкой Византии”.

Неотправленное письмо Пушкина к Чаадаеву воспринимается нами под знаком той блестящей формулы, которое завершает пушкинские рассуждения: "...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератор-меня раздражают, как человек с предрассудками- я оскорблен,- но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю , кроме истории наших предков, такой , какой нам Бог её дал"[5].

Ответ Пушкина идеологически выстроен вокруг двух основных проблем, поставленных Чаадаевым: Россия в ее прошлом и настоящем. При этом Пушкин соглашается с автором "письма" как раз по поводу современности: "Действительно, нужно сознаться , что наша общественная жизнь- грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине ,это циничное признание к человеческой мысли и достоинству- по истине могут привести к отчаянию"[6]. Но следом Пушкин заявляет:"Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться"[7]. Пушкин подчеркивает в своем ответе, что Россия исторически отъединена "от остальной Европы", ибо "у нас было свое предназначение", заключавшееся, в частности в спасении самой христианской цивилизации: "Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделала нас совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех"[8].

Пушкин энергично возражает чаадаевскому тезису об изначальной "нечистоте" источника, "откуда мы черпали христианства". Поэт опровергает другой Чаадаевский тезис о "нашей ничтожности" историческими примерами.

Пушкин в полемике с Чаадаевым высказал ряд “бытийных” наблюдений, которые в скором времени будут подхвачены славянофилами. Н.А. Бердяев писал: “До славянофилов, до Чаадаева в России было лишь поверхностное, наносное, не выстраданное западничество русского барства и полуварварского просветительство, да официально казенный национализм,- скорее практика власти, чем идеология. Славянофильскому самосознанию предшествовало явление Пушкина. Славянофильство- первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология”[9].

Своим началом славянофильство непосредственным образом ”обязано” поражению восстания декабристов. Вместе с идеалами последних рухнуло более чем вековое господство идеологии Просвещения с его космополитизмом и секуляризованностью. На смену стремительно пришла немецкая романтическая философия. Мысли славянофилов о самоценности национальной культуры были навеяны Шеллингом и Гегелем. По Шеллингу, каждая народность выражает какую-либо сторону всемирной культуры человечества. Учения Гегеля об исторических и неисторических народах способствовало формированию славянофильских представлений.

Славянофилы (А.С. Хомяков, К.С. и И.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и др.) верили в особый тип культуры, возникший на духовной культуре православия. Они отвергли тезис западников, что Петр Первый возвратил Россию в лоно европейских стран, и Россия должна имитировать их историю развития.

Центральная тема этических принципов славянофилов- это обоснование своеобразия истории и культуры русского народа. Своеобразие они видели в сочетании национально сознания и правды православия. Славянофилы говорили, что русская история, быт, культура в целом обла-

дают самобытными жизненными ценностями. Высокий нравственный потенциал русской культуры, содержащийся в православии, должен обеспечить России ведущее место в историческом развитии. Славянофилы подняли вопрос о народе как движущейся силе истории, крестьянской общине, самоуправлении, земстве преобразовании общественной жизни.

Литература

1. Карамзин Н.М. Литературная критика [Текст].- М.,1967-С 127
2. Аксаков И.С. Тютчев [Текст].-М.1886-С 74.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя [Текст].-М. 2004.- С. 401.
4. Там же.С. 415.
5. Пушкин А.С. Полное собрание в 16т [Текст].- Т.16М.;Л.:АН СССР.1949.-С. 393.
6. Там же.С. 393.
7. Там же.С. 393.
8. Там же.С. 393.
9. Бердяев Н.А, А.С. Хомяков [Текст].-М.: Путь.1912.-С. 2

3. Панславизм. Почвенничество. Проблемы национальной самоидентификации в трудах русских ученых и писателей второй половины 19 века

Поражение в Крымской компании было своего рода шоком, потрясением как для основ русской государственности, так и для широкого общественного сознания. Дело в том, что со времени Петра Первого Россия только утверждалась на европейской арене, одерживая одну победу за другой. Здесь же Россия столкнулась не просто с жесткой коалицией европейских государств, но и с нарушением даже этических норм международной политики, что было наиболее болезненным. Николай Первый выступал сторонником соблюдения статус-кво в международных делах,

особенно в силу того, что было связано с незыблемостью устоев европейских монархий. Так, например, император был решительно против всякого поощрения сепаратизма среди славян Османской империи, предпочитая “выяснять отношения” с враждебной Турцией на поле брани, чем вмешиваться во внутренние дела суверенной монархии.

С началом царствования Александра Второго приоритеты во внешней политике изменяются. Начав и последовательно проводя прозападные реформы во внутренней политике, Россия впервые создает антизападное движение, получившее высшее благословение трона. Речь идет о панславизме, поднявшемся во второй половине 60-х годов. У его истоков стоял великий поэт Ф.И. Тютчев. Он еще несколькими десятилетиями ранее высказывал идеи, близкие к панславизму, которые в 60-е годы подхватил и начал внедрять в общественное сознание видный публицист И.С. Аксаков. Но главным идеологом стал Н.Я. Данилевский, яркий политический писатель, автор книги “Россия и Европа”. Речь в ней шла о противостоянии славян романо-германцам, Западу. В Москве с благословения правительства состоялся панславянский съезд, на котором говорилось об объединении всех славян под скипетром русского царя. Это было одно из немногих явлений в русской истории, когда откровенно жесткие идеи (далекие от раннего славянофильства) получили достаточно широкую поддержку, которая стала возможна еще и потому, что во главе общественного мнения стояли такие яркие личности, как И.С. Аксаков и Ф.М. Достоевский. Это самоутверждение принесло России славу в 1877 году с освобождением Балкан от турецкого ига, но сыграла прямо против России в столкновении 1914 года.

В 70-80 годы девятнадцатого века настроенные, подозрительные отношения к Западу стали олицетворять деятели, далекие от того, чтобы видеть в нем потенциаль-

ного врага. К. Леонтьев, противник панславизма, обличал Европу, “погрязшую в материальных проблемах и прозаических мечтах”: “Не ужасно ли и унизительно думать, что Моисей пересек Синай, греки построили свои удивительные храмы, римляне вели свои пунические войны, Александр, этот прекрасный гений в шлеме с перьями, выиграл свои битвы, апостолы молились, мученики страдали, поэты пели, художники творили, рыцари блистали на турнирах только для того, чтобы французские, германские или русские буржуа, одетые в заурядные и абсурдные одежды, могли наслаждаться жизнью “индивидуально” или “коллективно” на руинах всего этого великолепия” [1]. Где же выход? Идеолог почвенничества Ф.М. Достоевский утверждал, что “наше будущее лежит в Азии. Пришло время покинуть Европу. Русские столь же азиаты, сколь европейцы. Ошибка нашей политики в последнее время состояло в том, что она пыталась убедить Европу, что мы являемся подлинными европейцами. Прочь от Петербурга, назад в Москву! Будем азиатами будем сарматами” [2].

Этот публицистический пассаж предполагал весьма серьезное содержание. В идейной жизни России последних десятилетий 19 века сложилась такая ситуация, когда почвенники, в лице К. Леонтьева, Ф. Достоевского, крупного государственного деятеля и мыслителя К. Победоносцева, оказались сторонниками общественного и политического статус-кво, признавая лишь ограниченное реформирование. По край не мере безумное копирование Запада представлялось им ошибочной политикой.

Двадцатый век был уже не за горами!

Литература

1. Моя литературная судьба: Автобиография Константина Леонтьева [Текст]. – М., 1995-С. 465.

2. Цит. по: Уткин А. Вызов Запада и ответ России [Текст]. – М., 2004. – С. 146.

4. Евразийство

В 1917 году внезапно рухнувшая прозападная культура России остро поставила вопрос об отношении России к миру, к Западу. Трагедия кровавого гражданского конфликта вызвала к жизни новую интерпретацию исторической судьбы России- евразийство. Предтечами их были славянофилы, Ф. Достоевский, К. Леонтьев, Н. анилевский, религиозные философы начала 20 века.

Евразийство возникло в эмиграции. Яростное утверждение особенности России, ее безусловное отличие от соседнего Запада осуществила группа выдающихся мыслителей- лингвист Н.С. Трубецкой, географ П.Н. Савицкий, историк Г.В. Вернадский, философ Л.П. Карсавин.

Евразийцы увидели Россию в функции центра Старого Света в общеисторическом, общекультурном и хозяйственно-географическом смысле. Этот центр охватывает всю совокупность центральных областей старого материка. Во вне остаются континентальные “окраины”: Западная Европа, Китай, Индия, выдвинутые в море. Эти регионы обращены преимущественно к ведению океанического хозяйства. Экономика России должна составить в будущем внутриконтинентальный мир. Они надеялись, что этот мир будет автономным, независимым от Запада.

Евразийцы твердо стояли на том, что в таком большом и многонациональном культурном целом, как Евразия, государство может быть только жестко структурированным, сильным. Государственная власть должна, быть единой, где законодательная и исполнительная ее ветви должны быть совмещены. Но главное для становления стабильной Евразии- единая культурно-государственная идеология.

Основной постулат евразийцев: Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном протекают отдельно от судеб стран западу от неё (Европа), а также к югу и востоку от неё (Азия). Россия совместила в себе черты этих двух регионов в уникальном этно-психологическом плане.

Важным для России в доктрине евразийцев было отношение к национальному вопросу. Они считали, что Россия- не государство русских. Евразийцы проповедовали так называемый евразийский национализм. Под ним они предполагали “расширение национализма каждого из народов Евразии, некое слияние частных национализмов воедино”.

Евразийство отразило разочарование части русской интеллигенции опытом двухсотлетнего следования за Западом. Оно указало на необходимость учитывать национальные традиции, черты национального характера при решении социальных и экономических вопросов, призывала осуществлять развитие нации, реализуя стратегию ее самобытности.

Судьба евразийского учения драматична. Создаваемые в эмиграции, теоретические положения евразийцев оставались, что называется, только для внутреннего пользования. Правда, некоторые современные авторы считают, что отдельные фрагменты учения евразийцев нашли применения в ходе создания сталинской системы советской государственности, более того, среди представителей советской элиты были прямые “агенты влияния” евразийцев. Но все это- не более чем домыслы.

Но все же евразийство нашло своих продолжателей и на родине ученых. В 60-е-80-е годы 20 века близкий к евразийцам ученый- историк Л.Н.Гумилев создает ряд трудов по истории евразийских этносов- тюрков и славян. Главное сочинение Гумилева- “Древняя Русь и Великая степь” (1989)- вполне соответствует духу евразийства.

Во многом благодаря трудам Гумилева евразийская идеология становится в 90-е годы 20 века популярной среди части интеллектуалов. Популяризаторами евразийства становятся такие издания, как журнал “Наш современник”, имеющий с середины 90-х годов самый большой тираж среди так называемых “толстых” журналов, газеты “День” (до 1993) и “Завтра”. Влияние евразийства ощутимо в поздних трудах крупного литературоведа, литературного критика и публициста В.В. Кожина, например, в его книги “История Руси и русского слова” (1993). Философия евразийства находит продолжения в творчестве самобытного современного философа, футуролога А.Г. Дугина.

Знаменитый кинорежиссер Н. Михалков отдал должное волновавшему его евразийству в фильме “Урга, территория любви” (1994).